

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Еврейка

В школе для бедных, между другими детьми, сидела девочка-еврейка, добрая, развитая и самая прилежная из всех. Но в одном из уроков она не могла принимать участия – в Законе Божием: школа была, ведь, христианская.

Ей позволили в это время учить урок из географии или решать задачи, но она скоро справлялась и с уроком, и с задачами, и книжка только так лежала перед нею раскрытою, – она в неё и не заглядывала, прислушиваясь к словам учителя. Скоро тот заметил, что она следит за уроком, пожалуй, внимательнее всех остальных.

– Учи свой урок! – сказал он ей кротко и серьёзно, но она продолжала смотреть на него своими чёрными, лучистыми глазами; он задал ей несколько вопросов, и оказалось, что она поняла и усвоила себе из его уроков больше, чем кто-либо из других детей. Она слушала, понимала и слагала всё в сердце своём.

Отец её, честный бедняк, отдавая дочь в школу, поставил условием, чтобы её не учили догматам христианской веры; но отсылать её в эти часы из класса было неудобно, – это могло возбудить в других детях различные мысли и соображения – и она оставалась. Теперь же учитель понял, что так дело оставить нельзя.

Он отправился к её отцу и заявил, что тот должен или взять

свою дочь из школы, или позволить ей принять христианство.

– Я не могу равнодушно видеть её горящего взора, в котором так и светится вся её душа, жаждущая света истины Христовой! – добавил учитель.

Отец заплакал:

– Сам я мало сведущ в законе отцов моих, но мать её была истинною дочерью Израиля, крепко держала свою веру и взяла с меня на смертном одре слово – никогда не позволять нашей дочери креститься. Я должен сдержать своё обещание; оно для меня священно, как обет, данный Богу!

И девочку взяли из христианской школы.

Прошло много лет. В одном из маленьких городков в Ютландии служила в семействе небогатого горожанина бедная девушка-еврейка. Это была Сара. Волосы её были чёрны, как эбеновое дерево, тёмные глаза сияли огнём, как у дочерей Востока. Но выражение их ничуть не изменилось со времени её детства, когда она ещё сидела на школьной скамейке и внимала словам учителя.

По воскресеньям в церкви звучал орган и раздавалось пение псалмов; торжественные звуки доносились через улицу и до соседнего домика, где прилежно и неутомимо занималась своим делом еврейка. Заповедь: «Помни день субботний, чтобы святить его!» – была для неё законом, но суббота была у христиан рабочим днём, и девушка могла праздновать её лишь в сердце своём, а этого, ей казалось, мало. Но что значат для Бога дни и часы? Мысль эта пробудилась в её душе, и девушка стала праздновать субботу в христианское воскресенье. И когда звуки органа и пение псалмов доносились до её уголка в кухне, даже и это место проникалось святою тишиною храма. Сара читала в это время Ветхий Завет, сокровище и собственность её народа; только его она и могла читать: слова её отца, сказанные учителю, обещание, данное им её умирающей матери, глубоко залегли в душу Сары, – она не должна принимать христианства, не должна отречься от веры отцов своих, и Новый Завет должен оставаться для неё закрытою книгой! Но она уже так много знала из него, знания эти хранились в душе её вместе с воспоминаниями детства.

Раз вечером она сидела в углу комнаты и слушала, как хозяин

читал вслух. Она могла слушать, – читали не Евангелие, а старую хронику. Из неё прочитано было об одном венгерском рыцаре, попавшем в плен к турецкому паше.^[1] Турок велел впрячь христианина вместе с волами в плуг, погонять кнутом, словом, надругался над ним и терзал его всячески! Жена рыцаря продала все свои драгоценности, заложила замок и земли, друзья его также сложились, и, наконец, составила нужная сумма, – паша требовал за рыцаря невероятно-огромный выкуп. Деньги были доставлены, и рыцарь освободился из тяжёлого рабства. Больной, страждущий, прибыл он домой. Но скоро опять кликнули клич против врагов христианства, и – рыцарь забыл всякий покой и отдых, велел оседлать своего боевого коня. Щёки его опять окрасились румянцем, силы вернулись, и он помчался разить врагов. И вот, тот самый паша, что держал его в плену, запрягал в плуг, мучил и терзал, стал теперь его пленником. Пашу отвели в темницу, но не прошло и часа, как к нему явился сам рыцарь и спросил его:

– Как ты думаешь, что ожидает тебя?

– Возмездие! – отвечал турок.

– Да, но возмездие христианское! – сказал рыцарь. – Закон Христа запрещает воздавать за зло злом, велит прощать врагам нашим и любить ближнего! Бог есть любовь! Ступай с миром в дом свой и будь добр и милостив к страждущим!

Пленник залился слезами:

– Мог ли я ожидать этого? Напротив, я знал, что меня ожидают муки и терзания, и принял яд. Он скоро убьёт меня, я умру, спасения нет! Но не дай мне умереть, не познав учения, которое вмещает в себе такую любовь и милосердие! Оно велико и божественно! Дай мне умереть христианином!

И мольба его была исполнена.

Вот какую историческую легенду прочёл хозяин; все слушали внимательно, но живее, пламеннее всех внимала чтению сидевшая в углу служанка Сара, еврейка. Крупные слёзы сверкали в её блестящих, чёрных, как уголь, глазах. Она сохранила ту же детскую душу, которая так жадно стремилась когда-то познать учение Евангелия. Слёзы текли по её лицу.

«Не позволяй нашей дочери стать христианкой!» были последние слова её матери на смертном одре, и она хранила их в сердце своём вместе со словами заповеди Божией: «Чти отца твоего и мать твою!»

«Меня, ведь, и не крестили!» говорила она себе. «Все зовут меня еврейкою! Ещё в воскресенье соседние мальчишки дразнили меня, когда я остановилась у открытой церковной двери и заглянула туда, где горели свечи и пел народ. Но со времени детства и до сих пор христианство неодолимо влечёт меня к себе; оно, словно солнечный свет, проникает в моё сердце, даже когда я нарочно закрываю глаза. Но я не огорчу тебя в могиле, матушка. Я не изменю обету, который дал тебе отец! Я не стану читать христианской Библии, – у меня есть своё прибежище – Бог отцов моих!»

Прошли ещё года.

Хозяин Сары умер, хозяйка впала в бедность, служанку надо было отпустить, но Сара не отошла. Она стала поддержкой вдовы в нужде, работала с утра до поздней ночи и кормила её трудами рук своих. У вдовы не было никого из близких родственников, кто бы помогал ей, а она, между тем, слабела день ото дня и по целым месяцам лежала в постели. Кроткая, благочестивая Сара была для неё в это время истым благословением Божиим; она бодрствовала по ночам и ухаживала за больной.

– Вон там Библия! – сказала однажды больная. – Почитай мне немножко! Вечер такой длинный, и я так нуждаюсь в утешении словом Божиим.

Сара покорно склонила голову, взяла христианскую Библию, раскрыла и стала читать больной. На глаза девушки часто набегали слёзы, но они становились оттого ещё яснее, а на душе у неё делалось всё светлее. «Мать, дочь твоя не примет крещения, не будет причислена к христианам; ты так потребовала, и я исполню твой завет. Мы останемся одной веры, эта связь не будет мною нарушена здесь, на земле, но там нас ждёт – высшее единение в Боге! Он спасает нас от смерти. Он посещает землю, и если делает её жаждущею, то и обогащает её сторицею! Я понимаю это, хотя и сама не знаю, как дошла до того!.. Это всё Он разъяснил мне – Христос!»

И она вся задрожала, называя Его Святое имя; огненное крещение пронизало её душу молнией, и слабое тело не вынесло: без чувств упала девушка возле больной, за которую ухаживала день и ночь.

– Бедная Сара! – сказали люди. – Она переутомила себя работой и бодрствованием!

Её отвезли в больницу для бедных, там она и умерла; её схоронили, но не на христианском кладбище, – там было не место еврейке – а за оградой, у самой стены.

Но Божье солнышко, что светило на могилы христиан, ласкало и могилу еврейки; пение псалмов, раздававшееся над их могилами, доносилось и до её могилы. Да, и до неё доносились слова: «И воскреснем все во Христе, Боге нашем, сказавшем ученикам своим: Иоанн крестил вас водою, я же буду крестить Духом Святым».

^[1] Паша – высокий титул в Османской империи.

Загрузка...